

А. У. Мур Что здесь делают эти обычные слова? //
Логика, мысль и язык / Под ред. А. О' Хир. Кембридж:
Кембридж Университи Пресс, 2002.

Перевод Собанцева А.А.

Предисловие переводчика.

Публикуемый здесь отрывок статьи современного мыслителя А. У. Мура является лекцией, посвящённой философии языка от Л. Витгенштейна до научных разработок в этой области в наши дни.

Моё название - цитата из сочинения Дэвидсона, "Говоря, что". И, хотя мой интерес отстоит от его интереса, всё-таки меня интересует один значимый вопрос. Мы (нефилософы, как и философы) обнаруживаем себя под постоянным воздействием теории отрицания того, что обычные, простые семантические особенности простых слов предоставляют словам способность служить определённым, простым функциям. Одна из целей Дэвидсона – противостоять этой теории, также, как и заниматься передачей косвенной речи. В том же роде я хочу рассмотреть некоторые обычные вещи, которые мы совершаем со словами, и показать, как быстро мы можем начать придерживаться мнения здравого смысла в том, что мы делаем, несмотря на сомнения, размышление о которых может возникнуть. На самом деле я хочу рассмотреть шесть вещей, шесть, лингвистических ходов. Эти шесть ходов связаны с некоторыми особенностями. Несмотря на то, что в действительности они являются предметами шести самостоятельных сочинений (шести поверхностных эссе по этой теме), и я полностью осознаю, что их трактовка вместе, как я собираюсь это сделать, - ещё хуже, а попытка таким образом продвинуться вперёд, решая один, или два философских вопроса, что я также собираюсь сделать, - будет означать, что в каждом случае я лучшим образом создам нечто программатическое.

Теоретическое игло, которое отчасти касается и меня, идёт от определённого непреодолимого представления языкового поведения, которое я буду называть Главным Представлением (Governing Picture).

Главное Представление: Языковое поведение *беспорядочно*. Это громадная, причудливо запутанная структура, составленная из миллиона миллионов разных, но соединённых эпизодов, иногда разительно, а иной раз незначительно отличных друг от друга, каждый своим значением, во всех видах утончённых и неопределённых способов зависящих от контекста. В этих эпизодах язык устанавливается в неограниченное число употреблений, а также подчиняет его постоянным процессам по существу непредсказуемой эволюции, которая объединяет его, чтобы дать языку собственную жизнь во плоти, не считая какого-либо частного говорящего на нём.

Эта картина скорее неоспорима, несомненно, неотрицаема, даже теми, кто учитывает строго формалистскую концепцию механизмов, которая лежит в основе всех этих беспорядочных поверхностных явлений. (Вспомните утверждение Витгенштейна в *Трактате*, что "повседневный язык является частью человеческого организма и не менее сложен, чем он")...

Послесловие переводчика.

Отрывок статьи, автор которой преподаватель и научный руководитель оксфордского университета, показателен с точки зрения двух ссылок, сделанных в нём уже в самом начале. Ссылка на Д. Дэвидсона и на Л. Витгенштейна сделана неслучайно: оба мыслителя по-прежнему заслуживают внимания. Их работы - объект пристального взгляда исследователей философии языка. XX век дал множество идей и идеологов, мыслей и мыслителей, великих действий и великих деятелей: высоких и низких в своём замысле и

осуществлении. Но понимание такого сложного явления, как XX век, возможно только через изучение его проявлений. Такие мыслители, которые продолжают интересовать современных исследователей, а именно такие, как Л. Витгенштейн, оказали интенсивное влияние на интеллектуальное движение прошлого века. Поэтому их по праву можно считать выразителями этой эволюции.

Речь в рамках всей статьи идёт о шести лингвистических ходах. С этой точки зрения важно помнить, что Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» развивал теорию языковой игры [См. Витгенштейн Л. Философские исследования. // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I, М., 1994], правила которой задаются в ходе самой игры. Эта статья, на мой взгляд, является логическим продолжением (и ближайшей по отношению к аутентичной позиции Витгенштейна) теории языковых игр, и, одновременно, теории языка как картины, представленной им в «Логико-философском трактате» [См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат].

Ходы, о которых говорится в статье, безусловно, являются ходами в языковой игре. «Главное Представление» (“Governing Picture”), или «Картина» языка представляет собой сферу действий и деятельности “игроков”. Правила игры устанавливаются одним из таких ходов, но существует и ход, которым устанавливаются правила установления правил. Это – вторая степень так называемого языкового поведения, по мнению автора статьи, является беспорядочным с точки зрения Главного Представления, Картины, в которой элементы являются ячейками, или клетками (подобно клеткам на шахматной доске). Клетки являются некоторыми основаниями для возможной расстановки фигур и совершения различных ходов.

Язык как игра, язык как Картина, язык как Представление – речь лишь о терминологии – рассматривается в качестве возможности для действия по реализации различных целей. Картина может быть представлена по-разному. Игра может быть сыграна по различным сценариям, в том числе не очень честно, что случается далеко нередко.

Внимание к языковому поведению, ходам в этой большой игре под названием “язык как форма жизни” [См. Витгенштейн Л. Философские исследования. // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I, М., 1994] является неотъемлемой частью современных исследований в области аналитической философии. Это направление господствует в англо-язычной философии с 90-х годов прошлого века [См.: Грязнов А.Ф. Аналитическая философия: становление и развитие. // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Пер. с англ., нем. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998]. Оно использует различные способы “исследований”, в том числе обращаясь к теориям прошлого века, развивая их, несмотря на несколько консервативный характер такого развития в рамках этой отдельно взятой работы.